

- *Полистратегический подход в историко-философском исследовании*
 - *Структуры времени (Субстанциональная концепция времени сквозь призму психологии)*
 - *Классическая концепция понятия и ее трансформация в философии неокантианства*
 - *«Критика языка» Карла Крауса как одна из предпосылок модернистского проекта*
 - *Философия права: эволюция аналитической парадигмы*
-

УДК 1(091) + 167

Полистратегический подход в историко-философском исследовании

В. Н. Новиков, доктор философских наук, доцент

В статье рассматриваются так называемые «стратегии работы с прошлым» в контексте историко-философских исследований, в частности, изучения истории философской мысли Беларуси. Между разными стратегиями устанавливаются отношения субординации – координации. Показывается, что каждая из стратегий имеет свои сильные и слабые стороны и что в силу этого наибольшую эффективность может иметь полистратегический подход, который создает своеобразную «стереоскопичность» описания, компенсирующую неизбежные и реально существующие источниковедческие лакуны.

«Polystrategic» Approach in Historical-Philosophical Research

V. Novikov, PhD in Philosophy, Associate Professor

In the article the so called «strategies of work with the past» are examined in the context of historical-philosophical investigations, for instance, the study of the history of philosophical thought in Belarus. The relations of subordination – coordination are established between different strategies. It is shown that each strategy has its strong and weak points, therefore the most effective approach may turn out to be the polystrategic one. This approach creates a specific «stereoscopic character» of description, which makes up for the unavoidable and existing in reality lacunae connected with source studies.

Всякое общество всегда, так или иначе, озабочено своим прошлым. И питает эту озабоченность далеко не праздный интерес. Еще древние римляне с их особым отношением к общественной жизни выразили прагматику изучения прошлого максимальной «*Historia magistra vitae est*» – «История – учительница жизни». Живут же всегда настоящим, его вызовами, его проблемами, живут в современности. Всякое общество на протяжении своей длительной истории вырабатывает свои идеалы и нормы рационального поведения. Рационального – значит ориентированного на достижение самого оптимального из множества возможных исходов того или иного действия в данных условиях. Тем не менее, рациональность, несмотря на кажущуюся прозрачность этого понятия, оказывается чем-то, что очень трудно подвести под однозначное определение уже хотя бы потому, что рациональностей существовало

и существует столько же, сколько существовало и существует разных культур и видов человеческой деятельности. Но всякая рациональность, так или иначе, опирается на успешность или неуспешность прошлого опыта действий в аналогичных ситуациях. При этом не важно – своего ли собственного или опыта предшественников. Но успешность или неуспешность рационального поведения определяется также и правильно (или удачно) выбранной стратегией.

Всякое общество также вырабатывает и культивирует свои собственные – осознаваемые в качестве таковых или нет – «стратегии работы с прошлым» [1]. На наш взгляд, всякая такая стратегия реализуется посредством двух процедур, которые можно обозначить 1) как *забвение* и 2) как *апроприацию* (буквально «присвоение»), т. е. превращение прошлого в оберегаемое и приспособляемое

к нуждам современности «наследие»¹. Следование той или иной стратегии, в конечном счете, мотивируется отношением к настоящему.

Многие авторы именно отношение к настоящему считали основой различия *идеологии* и *утопии*. В частности, это составляет фундамент теории К. Манхейма [3]. Принятие настоящего и установка на поддержание *status quo* характерны, прежде всего, для идеологического сознания правящих элит, тогда как резко критическое восприятие существующего положения вещей характерно, прежде всего, для утопического (революционного) сознания угнетенных масс.

Резко критическое отношение к настоящему характерно для обществ, охваченных революционным брожением. Восприятие времени в таких обществах резко поляризуется, так что чаемое будущее занимает абсолютный положительный полюс на аксиологической шкале, в то время как прошлому отводится позиция абсолютного отрицательного полюса.

Возьмем, к примеру, первоначальное христианство. Как известно, для него был характерен крайний эскейпизм или «бегство от мира», что, кроме прочего, выражалось и в подозрительном отношении к истории мира до «искупления» и «благовестия», т. е. прошлое – это история грехопадения и наказания. А вот в будущем – искупление и «Новый Иерусалим». «Мудрость мира» – языческая античная философия – была объявлена заблуждением. Многие раннехристианские богословы, которые пытались совместить «мудрость мира» с евангелием, объявлялись еретиками, а их труды предавались забвению. Позднее дух первоначального христианства по-своему пытались воскресить духовные лидеры Реформации и, в известной мере, теоретики научного коммунизма.

Согласно классикам марксизма, когда будет построено коммунистическое общество и человечество совершит скачок из царства необходимости в царство свободы, тогда только и начнется действительная история человечества. А, в конечном счете, все многообразие исторического процесса было сведено к истории борьбы классов.

Но следует заметить, что простая дихотомия идеологии и утопии не вполне адекватно описывает динамику общественного сознания. Ведь хорошо известно, что победившая утопия очень быстро превращается в идеологию, активно присваивая предшествующие формы дискурсов власти. Так, Церковь, получив свою долю «кесарева», переходит от стратегии забвения Античности к стратегии

ее апроприации, правда, часто получая доступ к античному наследию «из вторых рук» при посредничестве арабских и еврейских учителей. А в первом государстве победившего пролетариата провозглашается лозунг, согласно которому коммунистом может стать только тот, кто обогатит свою память всем тем, что выработало человечество.

С известной долей условности можно сказать, что если утопическая «стратегия работы с прошлым» преимущественно опирается на процедуру забвения, то идеологическая стратегия – на процедуры дозированного забвения и дозированной апроприации. Причем идеология очень часто склонна подвергать забвению собственную историю народа и апроприировать чужую историю. История переписывается или реинтерпретируется. Идеологическая «стратегия работы с прошлым» отличается прежде всего репрессивностью, подавлением тех исторических явлений, которые не вписываются в идеологические схемы. Таковой она, в частности, является и в постструктуралистском (прежде всего дерридовском) деконструктивизме, который теоретически легитимизирует подобную стратегию работы с прошлым.

Важно подчеркнуть, что и утопическая, и идеологическая диспозиции общественного сознания сигнализируют о том, что роль собственно сознания, в частности, рефлексивного сознания и критического мышления сведена практически к нулю. И идеология, и утопия, даже апеллируя к сознанию, эксплуатируют общественное бессознательное. Они сигнализируют о том, что в основе социальной динамики лежит чисто природный бессознательный процесс. Но сон разума, как известно, рождает чудовищ.

Это особенно опасно, когда народ должен сделать свой исторический выбор и из населения территории (популяции) как объекта управления превратиться в народ своей земли, в субъект собственного права на будущее. Реализовать субъектность без развитого самосознания невозможно. Интуиция самоидентичности субъекта – идет ли речь об индивиде или целом народе – биологически не наследуема, она возникает и развивается в процессе приобщения к культуре, истории, на основе работы самопознания, самопонимания и самоопределения и реализуется как усилие самоидентификации.

Этот тезис, конечно, уязвим с точки зрения постмодернистской критики современности. Только следует иметь в виду, что собственно белорусский проект модернизации, который предусматривал завершение нациогенеза и создание национального государства, в свое время не реализовался в силу известных исторических коллизий первой полови-

¹ Об апроприации см., например, [2].

ны 20 века. А идентичность как осознающая себя субъективность – характерная черта модернистских проектов, в частности, в философии европейского Нового времени.

Можно делать скачки в организации хозяйственной жизни, в исторически короткие сроки превращая страну из аграрной в промышленно развитую и готовую к вступлению в постиндустриальную, информационную эпоху. Но в сфере духа такие скачки невозможны в принципе, и народ должен пройти «свои университеты», особенно в деле самопознания. Тогда он сможет извлечь из истории соответствующий урок, который может стать для него путеводной нитью в лабиринтах, в которых явно заплутало современное человечество, и позволит более-менее безопасно пробраться между Сциллой идеологии и Харибдой утопии.

Стартовавший два года назад в Институте философии НАН Беларуси проект создания 6-томной «Истории философской мысли Беларуси» и призван прежде всего послужить этому делу самопознания и самопонимания. Поскольку, если история – учительница жизни, то история философии – учительница осознанной жизни.

Успех в реализации упомянутого проекта в значительной мере будет зависеть от удачно избранной «стратегии работы с прошлым». От избранной стратегии в значительной степени зависит, что мы будем получать «на выходе» историко-философского исследования.

Самая простая стратегия заключается в том, чтобы попытаться занять некую внешнюю, неангажированную позицию «частного наблюдателя», т. е. научную позицию, если иметь в виду прежде всего классическую науку. Так, к истории философии можно подойти как к простой доксографии – изложению взглядов разных мыслителей в определенной последовательности или определенном порядке, внешнем излагаемому материалу, например, в тематическом или алфавитном порядке, или ином порядке.

Простейшая из последовательностей – *хронологическая* [1, с. 44]. В ее основе лежит высказанная или невысказанная онтология однородных пространства и времени. Интуиция однородного пространства ориентирует на изучение и изложение доксографии, вписанной в определенный константный географический контекст (Европа, Восток, территориально устойчивые национально-государственные образования и т. п.). Интуиция однородного времени предусматривает принципиальную делимость времени на определенные, качественно (семантически) равнозначные промежутки (как правило, года и столетия). В принципе, хронологическая стратегия не предполагает установления ка-

ких-либо смысловых или причинных связей, как в творчестве разных мыслителей, так и в творчестве одного и того же мыслителя. Хронологическая стратегия, конечно, может претендовать на известную объективность. Но от такой объективности веет холодом склепа, а склеп – в лучшем случае хранилище мумий, но не обитель духа.

Да и история философии – это не только и не столько доксография, как, собственно, и не просто история. История философии – это *сама философия*, но в трансисторическом развертывании. А философия в эпохальной перспективе предстает как самоартикуляция культуры эпохи и как ее саморефлексия.

Нетрудно понять, что хронологическая стратегия, будучи реализованной, неизбежно выводит за свои собственные пределы и актуализирует совсем иные стратегии историко-философского исследования. Уже простая хронологическая систематизация историко-философского материала открывает, по крайней мере, несколько принципиальных моментов. Так, при обозрении больших хронологических отрезков она открывает, что качественно однородный временной поток распадается на ряд достаточно продолжительных временных периодов, в рамках каждого из которых реализуется своя собственная хронологическая непрерывность. При этом каждый такой период – или эпоха – характеризуется своим собственным характером и стилем философствования, а также способом постановки философских проблем.

В рамках хронологической стратегии возникает *проблема периодизации* или выделения эпох. И какой бы принцип периодизации (формационный, цивилизационный, историко-культурный) ни избрать в качестве генеративного в выборе соответствующей стратегии работы с прошлым, всякий из них, так или иначе, превращает бескачественное однородное время исторического процесса, равнодушное к наполняющим его событиям, в ряд качественно определенных времен со своей собственной темпоральностью. Эти качественно определенные времена и воспринимаются как целостные исторические эпохи. Эпохальная качественная определенность времен или, говоря языком Гегеля, отрицательность исторического времени в самом себе, есть первое отрицание исторического времени как такового. Историческая и, в частности, историко-философская рефлексия открывает факт конечности исторического эпохального времени. Эпоха когда-то начинается, достигает зрелости и уходит, уступая «место» другой эпохе.

Эпохи можно различать по господствующему способу производства и присвоения его продуктов, как это делается в марксизме, выделяя первобыт-

нообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и, будучи умудренными собственным историческим опытом, скажем, некоторую посткапиталистическую формации. Это *формационный* принцип конструирования периодизации. Но формационный принцип, рассматривающий сознание и особенно общественное сознание всего лишь как надстройку над экономическим базисом, едва ли пригоден в качестве руководящего в историко-философском исследовании, поскольку он не чувствителен к нюансам мысли и ее имманентной логике развития.

Эпохи можно различать как особые типы организации всей общественной жизни – как цивилизации, характеризующиеся системной целостностью, известной самодостаточностью и равнодушием в отношении своих предшественников. Этот принцип периодизации естественно назвать *цивилизационным*. Он порождает и соответствующую стратегию работы с прошлым, которую можно назвать *морфологической* [1, с. 44–45]. Так, О. Шпенглер [4] выделял 8 таких исторических целостностей: Античность, Западная Европа, арабская культура, Египет, Вавилон, Индия, Китай и культура майя. А. Тойнби выделял уже более 20 типов [5]. В современной литературе упоминаются 5 основных типов: Западная христианская, Православная христианская, Исламская, Дальневосточная и Индуистская. В отношении Беларуси можно выделить собственные (региональные) целостности, такие как Империя Рюриковичей, Великое княжество литовское, Речь Посполитая, Российская империя, Советский Союз. Они специфичны в том смысле, что реализовывались как на стыке разных этнических культур, так и цивилизаций разного типа. И это обстоятельство, безусловно, требует внимательного учета при изучении собственного историко-философского процесса.

Но, по-видимому, наиболее естественной и наиболее часто применяемой в исследовательской практике является историко-культурная периодизация, в которой эпохи рассматриваются как хронологически ограниченные, но территориально не ограниченные целостные историко-культурные типы. Обычно выделяют: Античность, Средневековье, Новое время, Новейшее время. При этом сами они распадаются на собственные подтипы. Так, например, Античность распадается на раннюю Античность, Высокую классику, Эллинизм.

Морфологическая стратегия, в свою очередь, открывает и иные стратегии работы с прошлым. Поскольку каждый историко-культурный тип когда-то появляется, достигает расцвета и, в конечном счете, погибает, то естественно возникает проблема генеалогии и соответствующая *генеалогическая*

стратегия [1, с. 45], ориентированная на исследование генетической преемственности. Ключевым концептом такой стратегии является *традиция*. Современность оказывается непосредственно связана с прошлым. Генеалогическая стратегия порождает и собственный принцип интерпретации прошлого, который можно назвать принципом *«презумпции автохтонности»*, согласно которому всякое явление культуры должно рассматриваться как порождение самой традиции, если обратное не доказано или не может быть доказано [6]. Понятно, что он имеет существенные ограничения, поскольку не всегда может быть реализован для некоторой локальной (например, белорусской) культуры. Культуры, как известно, взаимодействуют, а это приводит к явлению интерференции, в результате которого одни явления культуры подавляются, другие же, наоборот, усиливаются и получают импульс для дальнейшего развития.

Но, чтобы узнать, какие же явления подавлялись, необходимо применять разнообразные реконструктивные методы. Без этого исторический и историко-философский процессы нельзя понять в их целостности. Подобную стратегию работы с прошлым поэтому можно назвать *реконструктивной*. Реконструктивные методы постоянно совершенствуются, и их значение едва ли можно переоценить. Однако реконструкция открывает, что даже явления, которые сохраняются и продолжают свое развитие, – это часто как раз подавленные явления, но в результате интерференции поменявшие свой культурный знак, т. е. уже репрессивно реинтерпретированные, но воспринимаемые традицией как свои.

Поэтому представляется, что принцип «презумпции автохтонности» должен уравниваться принципом *«деконструкции традиции»* [6]. Правда, не в постструктуралистской версии деконструкции, основанной на неограниченной «игре означающих», в которой производится не исправление кривого зеркала, а искривление его во все новых и новых вариациях. Ибо при таком применении техники деконструкции так называемая историческая действительность оказывается простой фикцией, зависимой от произвола и мастерства интерпретатора. Это негативная деконструкция, да деконструктивизм и не ставит перед собой никаких позитивных целей.

Но в настоящее время многие авторы (преимущественно на Западе) развивают разные версии позитивной деконструкции [7, с. 21, 160, 291–292], в частности, в теологии [8]. И если техника такой позитивной деконструкции на каждом шагу соотносит свои результаты с результатами, которые получают с помощью других, более привычных, ме-

тодов, она становится довольно конструктивным методом работы с историческим источником. А разоблачение онтологии означаемого будет тогда заключаться в расслоении онтологии текста на собственно историческую и идеологическую компоненты и лишении претензий второй быть единственным настоящим репрезентантом первой. И только после такой предварительной работы историк сможет заняться и решением более сложного вопроса: о взаимоотношениях исторической действительности и идеологии в реальном историческом процессе.

Эту стратегию можно назвать непостструктуралистской *деконструктивистской* стратегией как методологически оправданной позиции при работе с историческим материалом. В общем случае задача эта наивысшей сложности, хотя в отдельных случаях она спонтанно возникала и до изобретения техники деконструкции.

Но последовательная реализация собственно генеалогической стратегии приводит к иной стратегии, которую можно обозначить как *телеологическую* [1, с. 45]. Кратко ее можно выразить формулой: «прошлое для будущего». Прошлое становится неотъемлемой частью современности. Оно не присваивается идеологически, но *осваивается*. Будучи очищенным от идеологических установок своей эпохи и став актуальной частью настоящего, исторический материал предстает в своей собственной ценности. Освоение историко-философского наследия открывает также и то обстоятельство, что в философии существуют так называемые «вечные» проблемы, которые, как наследие, переходят границы эпох и границы культур и сохраняют культурную ценность независимо от исторического времени. В этом и состоит специфика самой философии.

Освоение историко-культурного наследия предполагает своеобразный диалог и соразмышление с мыслителями прошлого. Предполагает также не столько эристическую, т. е. основанную на споре и выяснении первенства в поисках истины установку, сколько герменевтическую установку на понимание и соответствующую *герменевтическую* стратегию работы с прошлым. Герменевтическая стратегия естественно создает установку на поиск или конструирование неких национальной Идеи или Пути, или даже Мифа, если понимать последний как то, в чем в свернутом виде содержится и Путь, и Идея народа, которые разворачиваются в реальном историческом процессе.

Таким образом, стратегий работы с прошлым существует довольно много. В известной мере это некие предельные стратегии, по-разному ориентирующие историческое исследование. Но нельзя забывать, что всякая типология представляет собой

теоретическое упрощение, необходимое, но далеко не достаточное условие описания исторического процесса. Нельзя забывать и то, что развертывание разных стратегий в историко-философском исследовании имеет свою специфику.

Разнообразие стратегий, как и разнородность источников, предполагают сочетание разных стратегий даже при оценке наследия одного конкретного автора. Каждая стратегия задает определенную точку зрения (ракурс, перспективу), с которой историко-философский материал не только рассматривается, анализируется или реконструируется, но и первоначально отбирается, т. е. классифицируется по признаку «релевантности» – «нерелевантности».

Ценность историко-философского исследования определяется, прежде всего, тем, насколько оно способно отразить не столько то, как нам видится прошлое с нашей исторической «колокольни», сколько то, «как все было на самом деле». Научная объективность, как известно, – это никогда в полной мере не достижимый идеал, но это отнюдь не означает бесполезности такого идеала в качестве регулятива исследования. «Перспективизм», точка зрения «частного наблюдателя» – характеристическая и неизбежная черта научного метода [9, с. 149–171], его сила, но и его ограниченность (о чем свидетельствуют, хотя бы, смены научных парадигм и научные революции, связанные со сменами «перспектив»). Сочетание же в одном историко-философском дискурсе *разных перспектив* гарантирует исследованию своеобразный *стереоскопизм*, объемность результирующей картины, особенно необходимые при работе в условиях ограниченной или фрагментарной источниковедческой базы. В культуре такую функцию выполняет исследованный Ю. М. Лотманом «полиглотический» механизм культуры [10].

Предложенная нами *полистратегическая* методология работы с историко-философским материалом позволит избежать крайностей как натурализма (наивной веры в то, что все так и было), так и релятивизма, поскольку будет всякий раз через прояснение собственных предпосылок уводить от односторонности точек зрения «частных наблюдателей». Прояснение предпосылок будет всякий раз возвращать исследование в герменевтический круг. И все дело в том, как говорил М. Хайдеггер, чтобы в него правильно войти, а не пытаться вырваться как из «порочного круга» [11, с. 179].

В данной статье предпринята попытка вскрыть не просто логику методологии, но собственную логику историко-философского исследования, которая, в конечном счете, ведет к осознанию того, что история философии, как и сама философия, оказывается своеобразным мостом, посредником между

разными эпохами и разными культурами, но всегда является также и самопознанием, и самопониманием современной культуры. Ее прямое назначение – через освоение историко-культурного наследия воспитать самосознательных, критически мыслящих личностей, достойных как своего прошлого, так и своего будущего.

Наследие народа как одна из наиболее ценных компонент его общего духовного наследия не может быть отдано на откуп ни доморощенным, ни заезжим идеологам, с легкостью провозглашающим революционные лозунги: «В карете прошлого далеко не уедешь!» или «Мы наш, мы новый мир построим!» Белорусы, без сомнения, современная европейская нация, и свои надежды на будущее она может возлагать только на всесторонне образованных, самостоятельно думающих членов своего гражданского сообщества, имеющих собственный опыт критического мышления. А критическая функция, наряду с мировоззренческой и методологической, – одна из важнейших прерогатив философии. Опыт критического мышления нельзя приобрести без освоения богатейшего историко-философского наследия – как общемирового, так и своего, национального. Критически мыслящий гражданин будет иметь «устойчивый иммунитет» против стараний политехнологов, эксплуатирующих все то же общественное бессознательное.

Список цитированных источников

1. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАНБ, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. – 2006. – № 6.
2. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь. – СПб., 2004.
3. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – М., 1994.
4. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М., 1993. – Т. I.; М., 1998. – Т. II.
5. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М., 1990.
6. Санько, С. Традыцыйналісцкі пагляд на традыцыю: «прэзюмпцыя аўтахтоннасці» і «дэканструкцыя традыцыі» / С. Санько // Анталогія сучаснага беларускага мыслення. – СПб., 2003.
7. Berry, E. E. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication / E. E. Berry, M. N. Epstein. – Basingstoke, 1999.
8. Pollard, N. Evangelism Made Slightly Less Difficult: How to Interest People who Aren't Interested / N. Pollard. – InterVarsity Press, 1997.
9. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.; СПб., 1998.
10. Лотман, Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб., 2000.
11. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков, 2003.

Дата поступления статьи в редакцию: 6.06.2006 г.